

Бай Линшэн, вернувшись домой, сразу же заговорил об этом событии. Изначально он планировал пойти вместе с Тан Цином, ведь тот, по крайней мере, был фанатом Ци Чжэня, и их интересы в какой-то мере совпадали. Однако глава семьи Тан был против — кто же берет с собой младшего брата на такие мероприятия?

— Если хочешь пойти, я составлю тебе компанию, — произнес Тан Чжаонин, пока вся семья ужинала за столом.

Говоря это, он положил нарезанный стейк в тарелку Бай Линшэна.

— Линшэн хочет стать актером? — с улыбкой спросила мама Тан.

— Я еще не решил, просто подвернулась возможность, и я попробовал, — ответил Бай Линшэн, не зная, что думает мама Тан. В общественном мнении такие семьи, как Тан, с глубокими корнями и богатством, обычно не одобряют, когда их члены появляются на публике.

Однако мама Тан, воспитавшая такого необычного человека, как Тан Цин, явно мыслила иначе, чем другие знатные дамы.

— Быть звездой тоже неплохо, и не нужно бояться скрытых правил. Иначе, с такой внешностью Линшэна, Чжаонин бы уже пришел ко мне в слезы.

Тан Чжаонин спокойно продолжал есть, не комментируя, явно привыкнув к подобному. Тан Цин же, как верный подхалим, горячо поддержал, словно он был главным фанатом своей невестки.

— Но старик не очень рад, — вдруг вспомнил Тан Цин и повернулся к Бай Линшэну. — Ты умеешь петь оперу? На Новый год старик вернется из деревни, и если ты споешь пару арий, он точно обрадуется!

— Я не умею, — Бай Линшэн откусил кусок мяса и сразу почувствовал, как на него навалилась огромная ответственность.

— Не слушай его глупости. Брак был устроен лично отцом. Если бы не проблемы с ногами, он бы уже приехал сюда, чтобы посмотреть на тебя. Зачем тебе учиться петь оперу? — мама Тан бросила на Тан Циного строгий взгляд. — Ты сам хочешь послушать, да?

Тан Цин смущенно почесал затылок, и его вид невинного юноши заставил Бай Линшэна почувствовать, что его мировоззрение подверглось серьезному испытанию.

— Петь оперу? Я умею, — вдруг шокировала всех Е Шэн. — Только много лет не практиковалась, возможно, немного подзабыла.

Глаза мамы Тан загорелись.

— Какая разница? Как-нибудь я тоже научусь у тебя паре арий.

— Мама, курица... — в этот момент Бай Сяоли указал на курицу на столе, подняв голову и смотря на Е Шэн с детской наивностью. Малыш явно не понял, о чем говорили взрослые, и просто пытался привлечь внимание.

С тех пор как он переехал в этот большой дом, хотя старый дядя часто играл с ним, брат почти не проводил с ним времени. Когда он хотел пойти к брату, его всегда останавливали, говоря,

что в комнате брата дерутся духи, и детям туда нельзя.

«qад, но Сяоли тоже хотел увидеть духов! Почему только брат Тан и брат могут их видеть?»

Почему?

Ах, почему?

Грустный Бай Сяоли также удивлялся, почему зимой все еще есть комары, ведь на шее брата так много укусов.

Так почему же?

Почему?

Е Шэн ответил ему:

— Ты узнаешь, когда вырастешь.

Но Бай Сяоли чувствовал, что он никогда не вырастет, поэтому пошел спросить Бай Линшэна. Бай Линшэн чуть не заплакал от его детской прямооты. В последнее время Тан Чжаонин, пользуясь тем, что его здоровье улучшилось, становился все более настойчивым. Как только он замечал Бай Линшэна, то сразу же затаскивал его в свою зону: гладил по голове, массировал живот или кусал за шею, словно делая отметку. Это стало слишком привычным.

Бай Линшэн внутренне решил, что пора поставить вопрос о взятии Тан Чжаонина на повестку дня.

Вскоре настал день премьеры.

В тот день Бай Линшэн еще был на занятиях в школе, а Тан Тан специально вернулась пораньше с телевидения, чтобы спросить, пойдет ли он. Если да, то можно было бы устроить короткое интервью. На этот раз главный редактор уже дал указание уделить Бай Линшэну больше экранного времени. Но, подойдя к дому, она увидела, как Бай Линшэн сел в машину и уехал.

Машина была полностью черной, без особых изысков, но Тан Тан помнила, что видела подобную у входа на телевидение. Такие машины заказывались из-за границы, и каждая стоила целое состояние.

Тан? Кто же это?

Тан Тан была в замешательстве, а неподалеку Ван Юн с ненавистью смотрел на удаляющуюся машину, его лицо было мрачным.

В семь вечера, на красной дорожке премьеры.

Камеры СМИ были уже установлены, и хотя по красной дорожке еще никто не прошел, объективы были направлены на фанатов за ее пределами. Многие из них начали собираться еще с обеда, с камерами и плакатами с именами кумиров или лозунгами, стояли группами, образуя плотную стену.

Среди них были преданные поклонники Старейшины Хо, фанаты Пэй Яня, главных актеров, но больше всего было фанатов Ци Чжэня. На их лицах или одежде были наклейки с маленькими

карикатурными изображениями Ци Чжэня, их возраст варьировался от подростков до тридцатилетних. Их было больше всего, они пришли раньше всех и выглядели спокойнее, выделяясь среди взволнованной толпы, ожидавшей своих кумиров.

Из-за их численности они заняли лучшее место перед красной дорожкой, и сегодня никто не пытался его отнять, ведь все знали, что они ждут того, кто никогда не придет.

Погода не благоволила, начался мелкий дождь, но некоторые, даже без зонтов, не уходили. Несколько человек, похожих на активистов, были готовы и достали из больших сумок длинные черные зонты, которых хватило на двоих-троих.

Через несколько минут красная дорожка превратилась в море черных зонтов, словно бескрайний океан, усеянный черными лотосами, тесно прижатые друг к другу.

Зрелище было впечатляющим, и СМИ направили камеры на них, некоторые даже забрались повыше, чтобы снять, словно это была встреча с боссом мафии.

Однако только те, кто держал зонты, знали истинную причину: их кумир-чудак однажды сказал:

— Я обожаю большие черные зонты, с длинной ручкой, которые можно повесить на руку. Эй, не смейтесь, ведь даже с зонтом нужно следить за стилем, понимаете?

Тогда все фанаты смеялись, и экран заполнился сообщениями «хахаха» и «233333», все кричали, что этот парень, который всегда старается выглядеть стильно, просто сводит с ума, ведь он и без этого выглядит потрясающе.

Тан Чжаонин взял черный зонт, который передал ему охранник, и поднял его над головой Бай Линшэна. Однако мелкий дождь, подгоняемый ветром, просачивался повсюду, увлажняя меховой воротник пальто. Бай Линшэн смотрел на черное море вдалеке, замерший надолго.

Его ресницы, казалось, были увлажнены мелкими каплями дождя, а черные глаза, как чистый родник в дожде, были безмятежны. Его скрытые эмоции просачивались наружу, и он казался более меланхоличным.

Тан Чжаонин никогда не видел Бай Линшэна таким, словно он был далеко, и хотелось схватить его — просто привязать к себе.

Обняв Бай Линшэна за спину и схватив его руку, Тан Чжаонин полюбнял его, словно не давая возможности сбежать, и спросил:

— Что случилось, хочешь пойти туда?

Бай Линшэн покачал головой, подбородок коснулся мокрого воротника, и он нахмурился.

— Мокро и неприятно, пойдем внутрь.

Сделав несколько шагов, он обернулся к Тан Чжаонину.

— Эй, помоги мне...

У красной дорожки фанаты все еще ждали, организаторы, решив, что дождь не усилится, не отменили мероприятие. Через несколько минут должны были появиться звезды, и энтузиазм фанатов не угас, даже фанаты Ци Чжэня, чтобы не портить настроение, держались бодро. Они

договорились, что сегодня будут радоваться.

Рядом стояли фанаты других звезд без зонтов, и они любезно подвинули свои зонты, получив множество комплиментов — фанаты Ци Чжэня действительно воспитанные и т.д.

Однако даже самые лучшие комплименты не могли радовать их, как раньше. Они просто улыбались и тихо ждали появления первой звезды. Но вместо звезды они увидели несколько мужчин в черных костюмах с черными зонтами.

Они не выглядели как персонал, в руках они держали большие термосы и бумажные стаканчики, подошли к красной дорожке и без лишних слов начали вручать стаканчики фанатам.

— Кофе или чай с молоком?

<http://bllate.org/book/16590/1516205>